

Еще больше, чем в тематике, сказывается соприкосновение с позднеантичной художественной культурой в манере исполнения фресок. В одной из ветхозаветных сцен, эпизоде из истории сына Давида Авессалома, мы видим многофигурную композицию, представленную на фоне классической архитектуры. В непринужденной позе, поджав под себя одну ногу, сидит на троне Авессалом, сильно жестикулируя спешат к нему со всех сторон воины. Пропорции фигур правильны, движения их естественны, энергичная светотеневая моделировка придает им объемность. Со времен падения Римской империи европейская живопись не знала подобного изображения человека. Правда, утрата навыков в изображении человеческой фигуры дает себя знать и в мюнстерских фресках. Используя старый образец, средневековый мастер не всегда понимает формы, которые он воспроизводит. Он преувеличивает резкость световых бликов, превращая их в своего рода узор на поверхности лиц и одежду, нарушает плавность движений, искажает перспективу. Зато он вносит много экспрессии. Напряженные взгляды, резкие движения придают рассказу взволнованность.

Экспрессия одна из характернейших черт каролингского искусства. Сцены мученической смерти святых (например, изображение смерти св. Стефана во фреске крипты церкви Сен Жермен в Оксерре, IX в.) или распятия Христа (фреска церкви Сан Винченцо ин Вольтурно в южной Италии, IX в.) поражают силой выраженных в них чувств. В этом стремлении к драматизации проявляются уже специфические черты западноевропейского средневекового искусства. Каролингские мастера не были копировщиками раннехри-